

Дебора Таннен

КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ НЬЮ-ЙОРКСКИХ ЕВРЕЕВ¹

Пауза не в том месте, недопонятая интонация, и весь разговор пошел насмарку.

Эдвард М. Форстер. *Путь в Индию*

Разговор, самое развитое кустарное производство Нью-Йорка, не существует в Сан-Франциско в смысле продолжительного общения и дружеской состязательности.

Эдмунд Уайт. *Состояния желания*²

Возьмем, например, такой разговор³:

F: How often does your acting group work?

M: Do you mean how often we rehearse or how often we perform?

F: } Both.

M: [Laughs uneasily.]

F: Why are you laughing?

¹ Впервые опубликовано: *Tannen D. New York Jewish Conversational Style // IJSL. 1981. Vol. 30. P. 133–149.* Перевод сделан по изданию: *Tannen D. New York Jewish Conversational Style // The Discourse Reader / Ed. by A. Jaworsky, N. Coupland. Routledge, 1999.* Небольшие сокращения, сделанные редакторами этого издания, в настоящем издании сохранены. Перевод публикуется с разрешения Mouton de Gruyter.

² Мои благодарности Стивену Маррею за эту цитату.

³ Этот разговор записан по памяти. Остальные примеры в статье — транскрипты магнитофонных записей. Использовались транскрипционные правила, заимствованные в работе (Schenkein 1978), а также разработанные Гамперцом и Чейфом в Университете Калифорнии, Беркли. [См. транскрипционные знаки в конце статьи].

М: Because of the way you said that. It was like a bullet. Is that why your marriage broke?

Ф: What?

М: Because of your aggressiveness.

Ф: Как часто работает ваша труппа?

М: Вы имеете в виду, как часто мы репетируем или как часто мы выступаем?

Ф: И то, и другое.

М: (смущенно смеется)

Ф: Почему вы смеетесь?

М: Из-за того, как вы это сказали. Как пулю выпустили. У Вас поэтому распался брак?

Ф: Что?

М: Из-за вашей агрессивности.

Из множества наблюдений, которые можно сделать над этим обменом репликами, я сосредоточусь на двух: общей тенденции судить о личности по коммуникативному стилю и приписывании агрессивности человеку, говорящему в быстром темпе. В последующем обсуждении я попытаюсь показать, что стереотип «нахального нью-йоркского еврея» может быть отчасти спровоцирован речевыми привычками некоторых коренных ньюйоркцев, евреев с восточно-европейскими корнями. После анализа некоторых доводов в пользу такого стереотипа я (1) кратко представлю мое понятие коммуникативного стиля, (2) назову лингвистические и паралингвистические признаки, характеризующие нью-йоркский еврейский стиль речи и (3) покажу их использование в общении между людьми с разными коммуникативными стилями и между говорящими в одном стиле. В заключение я (4) остановлюсь на проблеме социально-группового и индивидуального в использовании коммуникативных стилей.

Негативный стереотип

Доказательств существования негативного стереотипа нью-йоркской речи вообще, и речи нью-йоркских евреев, в частности, более чем достаточно. Самый опознаваемый признак этой речи — фонология. В Калифорнии пресс-релиз *Associated Press* (Boyer 1979) рассказывает о калифорнийских терапевтах, предлагающих помощь в излечении от нью-йоркского акцента, и цитирует одного такого врача: «Слушать, как говорят ньюйоркцы, — тоска, ей-богу! Я расстраиваюсь, когда слышу нью-йоркский акцент... мы здесь, чтобы помочь приезжим: они ведь

всех отталкивают. Мы здесь помогаем им приспособиться к жизни в округе Мэрин».

Учитель третьего класса в Бруклине пожаловался Энн Ландерс⁴ на местных детей, которые говорят, например: «Vot's the question?», «It's vorm ottside» и «Нерру as a boid» [*примерный аналог по-русски: утрированный одесский акцент: Шо за вопрос? На вульци тёпло. Щаслыва як птыця. — Прим. пер.*]. Энн Ландерс посоветовала учителю: «При достаточной настойчивости от плохих речевых привычек можно отучить. Я надеюсь, у Вас достанет терпения для работы с такими учащимися. Это настоящий вызов».

Жители Нью-Йорка уже давно стоят перед лицом этого вызова. Сравнительно недавно для получения лицензии на преподавание в городских государственных школах Нью-Йорка нужно было сдать экзамен по речи и среди прочего доказать, что не говоришь с местным «акцентом». Я вспоминаю, как учительница по речи поставила мне очень низкую оценку на промежуточном зачете в Манхэттенской школе и предупредила меня, что не повысит оценку, пока я не прекращу произносить «на зубах». Я не знаю другой такой группы, члены которой постоянно чувствовали бы, что говорят неправильно, даже когда находятся в своем окружении, ощущают себя комфортно и никогда нигде больше не жили. Лабов (Labov 1970) зафиксировал гиперкоррекцию у еврейских женщин среднего класса Нью-Йорка, спровоцированную их неуверенностью в своем языке. Я с этим сталкивалась всякий раз, узнавая в Калифорнии родственную нью-йоркскую душу по акценту. Чаще всего я слышала в ответ: «Неужели это *так* слышно?» или «Ч-черт, а я-то думал, что от этого избавился».

Более того, к сожалению, оценка «акцента» не ограничивается только самой речью, но составляет основу оценки личности говорящего. Исследуя воздействие южного акцента на решения о приеме на работу, Ван Антверп и Максвелл (Van Antwerp, Maxwell 1982) случайно натолкнулись на негативную оценку речи ньюйоркцев. Одним из их информантов из контрольной группы оказалась женщина из северного Нью-Джерси, чья речь была похожа на нью-йоркский диалект. Информанты — жители Вашингтона оценили её шансы получить работу низко и описали её так: «неспособна внятно выражать мысли», «неорганизованна», «зануда», «вроде образованная, но немного не в себе», «немного слишком энергичная, вроде как хочет поскорее отделаться», «у нее в голове еще не все выстроилось, а она уже открывает рот», «зву-

⁴ (*Прим. ред.*) Ann Landers — псевдоним нескольких колумнистов, в течение почти 60 лет отвечавших на вопросы читателей вначале в газете «Чикаго Сан-Таймс», затем во многих американских газетах. Стало нарицательным, чем-то вроде названия общенационального института.

чит агрессивно». Эти результаты показывают возможные следствия негативной оценки на основе речи, когда разные стилистические варианты сталкиваются в ситуации, где властное решение зависит от одного из собеседников (ситуация «gatekeeping», см. Erickson 1975).

Предыстория исследования

Мои находки в области нью-йоркского коммуникативного стиля были сделаны, в некотором смысле, по счастливой случайности. Моей исходной целью было описать признаки, составляющие стиль каждого из участников естественного разговора длительностью в два с половиной часа на обеде в День благодарения в 1978 году. Анализ записи, однако, показал, что трое из присутствовавших, коренные нью-йоркские евреи с восточно-европейскими корнями, имели много общего в стиле общения, и это, по моим наблюдениям, оказывало положительное воздействие на их общение друг с другом и отрицательное — на их общение с тремя другими участниками. Более того, впоследствии трое из участников оценили (независимо) общение в тот вечер как «нью-йоркско-еврейское» или «нью-йоркское». Наконец, при том, что на пленке было много материала общения двух или трех ньюйоркцев между собой, там не было примеров такого общения не ньюйоркцев между собой, в котором не участвовали бы ньюйоркцы. Таким образом, то, что началось как исследование коммуникативного стиля вообще, закончилось исследованием нью-йоркского еврейского коммуникативного стиля (Tannen 1984).

Обед, который сопровождался описываемым разговором, происходил в доме Курта, коренного ньюйоркца, живущего в Окленде, штат Калифорния. Гости — брат Курта Питер и я — тоже ньюйоркцы, живущие в Калифорнии⁵. Три других гостя были: друг Курта Дэвид, уроженец Лос-Анджелеса, чьи родители из Айовы и Северной Дакоты были ирландских, шотландских и английских кровей; друг Дэвида Чад, уроженец и житель Лос-Анджелеса с отцом шотландско-английского происхождения и матерью-итальянкой из Нью-Йорка; и Салли, рожденная от отца-еврея и матери-американки и выросшая в Англии. При всей сложности этнической принадлежности участников, по параметру коммуникативного стиля они разбились на две группы.

⁵ Все имена, кроме моего, изменены. И, как всегда, я хочу выразить свою признательность друзьям, которые стали моими информантами, за их согласие на запись и позже — за их внимание при прослушивании. В транскриптах проставлены инициалы псевдонимов, кроме моего: мои реплики помечены как Т., чтобы избежать путаницы с Д. (Дэвид).

Теоретическое обоснование

Мое представление о коммуникативном стиле основывается на работах Р. Лакофф по коммуникативному стилю (Lakoff 1973, 1979) и Гамперца по выводному значению (Gumperz 1982, особо Глава 5). «Стиль» не есть нечто дополнительное, как помадка на пирожном; это материал, из которого сделано само пирожное: высота тона, интенсивность, интонация, качество голоса, выбор лексических и синтаксических средств, скорость говорения и передача очереди, а также то, что говорится и какими средствами обеспечивается связность речи. Другими словами, стиль соотносится со всеми способами, которыми говорящий кодирует значения в языке и передает слушающему свои представления о том, как его следует понимать. В той мере, в какой говорящие из сходных сообществ пользуются общими языковыми конвенциями, стиль — социальный феномен; а в той мере, в какой частные языковые признаки в некоторых сочетаниях используются говорящими в разных обстоятельствах, стиль — индивидуальный феномен (см. обсуждение вопроса об индивидуальных/социальных отличиях в: Gumperz, Tannen 1979).

Лакофф (Lakoff 1973) замечает, что говорящие постоянно избегают точного формулирования своих намерений в интересах достижения социальных целей, следуя одному из трех *правил вежливости*, позже переформулированных как *правила контакта (rules of rapport)* (Lakoff 1979). Каждое правило ассоциируется с коммуникативным стилем, который вырастает из ежедневного использования данного правила.

1. Не навязывай (дистанция).
2. Предлагай варианты (уважение).
3. Будь дружелюбен (товарищество).

Приведу собственные примеры. Если на предложение попить гость отвечает: «Нет, спасибо, я не хочу пить», он применяет правило 1; если он отвечает: «Что вы будете пить, то и я», он применяет правило 2; если проходит прямо в кухню, распахивает холодильник и говорит: «Пить хочу. Сок есть?» — он применяет правило 3. Люди имеют склонность к разным типам вежливости, и социальные группы закрепляют эту склонность в культурно принятых формах поведения.

Эти различные смыслы вежливости связаны также с двумя разными целями косвенности: защитная реакция (*defensiveness*) и контакт (*rapport*). Защитная реакция, связанная с правилом 1 «не навязывай», — это желание иметь пространство для отступления: чтобы всегда можно было сказать: «Я этого не говорил» или «Я не это имела в виду». Контакт, связанный с правилом 3 «будь дружелюбен», связан с чудесным ощущением «мы на одной волне», которое усиливается, когда получаешь что-то, не прося, или когда тебя понимают без объяснений.

Еще одна линия социологического исследования была блестяще разработана Гоффманом, для которого отправной точкой явились работы Дюркгейма. Дюркгейм (Durkheim 1915) различал негативные и позитивные религиозные ритуалы. Негативные ритуалы — это «системы воздержания», готовящие верующего к «доступу к позитивному культу». На базе этого различия Гоффман строит понятие почтения (1967: 72–73), проявляющееся как «признание другого, демонстрируемое этому другому как через ритуалы избегания, так и через ритуалы презентации». В ритуалы презентации входят «приветствия, приглашения, комплименты и мелкие услуги. Все эти знаки говорят реципиенту, что он не одинок, что другие связаны или хотят быть связанными с ним...». Ритуалы избегания «заставляют человека держаться на расстоянии от реципиента» (Goffman 1967: 62) и включают «правила соблюдения приватности и отдельности» (Goffman 1967: 67). Вслед за Лакофф и Гоффманом Браун и Левинсон (Brown, Levinson 1987, Глава 19) обращаются к двум самым важным понятиям, мотивирующим языковые формы вежливости: *негативному лицу (negative face)* — «потребности каждого взрослого члена сообщества в том, чтобы другие не чинили препятствий его действиям», и *позитивному лицу (positive face)* — «потребности каждого взрослого члена сообщества в том, чтобы его действия были желательны, по крайней мере, для некоторых других».

Все эти схемы анализа взаимодействия между людьми учитывают две базовые, но конфликтные потребности: желание быть связанными с другими и желание, чтобы тебя оставили в покое. Языковые системы, как и другие культурные объекты, представляют собой общепринятые формы удовлетворения этих потребностей. Я предлагаю рассматривать коммуникативный стиль ньюйоркцев на обеде в День благодарения как набор принятых в их среде стратегий, обслуживающих потребность в контакте (сопричастности), при том, что не ньюйоркцы ожидали от собеседников применения стратегий, удовлетворяющих потребность в независимости.

Признаки нью-йоркского коммуникативного стиля

Ниже следуют основные признаки речи троих из шести участников обеда в День благодарения.

1. Тема:

- предпочитаются личные темы;
- резкая смена тем;
- решительное (без хезитации) введение темы;
- упорство во введении темы: если новая тема сразу не подхвачена, её вводят повторно или многократно, если это необходимо.

2. Жанр:
 - рассказывают больше историй;
 - истории рассказываются по кругу;
 - внутренняя оценка предпочитается внешней (то есть смысл истории скорее разыгрывается, чем описывается словами) (Labov 1970, Глава 12);
 - смысл истории сдвигается на эмоциональное переживание рассказчика.
3. Темп:
 - более быстрый темп речи;
 - пауз при смене очереди избегают (молчание — показатель отсутствия контакта);
 - более быстрый переход очереди;
 - кооперативное наложение реплик и участливое слушание.
4. Экспрессивная паралингвистика:
 - экспрессивная фонология;
 - сдвиги высоты тона и диапазона;
 - маркированное качество голоса;
 - стратегические паузы внутри реплики.

Сочетание всех этих маркированных признаков создавало эффект усиления речевого потока у ньюйоркцев, но препятствовало развертыванию речевого обмена с теми, кто не живет в Нью-Йорке. Последующее комментирование аудиозаписи всеми участниками разговора показало, что члены обеих групп неправильно интерпретировали намерения противоположной стороны.

Самым характерным и легко опознаваемым признаком этого стиля является быстрый темп речи и тенденция допускать наложения (одновременное говорение) и передача очереди в диалоге «встык» (Сак называет это «защелкнуть» (*latch*): очередь моментально переходит к следующему говорящему). Наложения используются ньюйоркцами для того, чтобы поддержать, выразить энтузиазм, одобрение и интерес, однако не ньюйоркцы интерпретируют эту характеристику ровно наоборот: как показатель отсутствия внимания. Тенденция использовать быстрый темп и наложения вдобавок сочетается с предпочтением личных тем и слишком личностного внимания к собеседнику. Можно наблюдать, как оба признака — и темп, и персональный интерес — постоянно вынуждают Салли, Чада и Дэвида к все более сдержанным высказываниям, когда они отвечают в классическом «протестном» (*schismogenetic*) стиле (Bateson 1972). Таким образом, вербальные приемы одной группы заставляют другую группу усилить сопротивление, и наоборот.

Речевой обмен между говорящими с разными стилями

Предлагаемый ниже разговор иллюстрирует, как мы с Питером используем быстрый темп и персональный фокус для того, чтобы показать интерес к дискурсу Дэвида, а он чувствует себя при такой стратегии как человек, «застигнутый врасплох», «без подготовки» (и это один из множества подобных примеров). Дэвид, профессиональный переводчик жестового языка, рассказывал об американском жестовом языке.

- (1) D So: and this is the one that's Bèrkeley. This is the Bèrkeley ... sign
for ... for
- (2) T $\left[\begin{array}{l} P \\ f \end{array} \right.$ Christmas
Do you figure out those .. those um correspondens?
- Or do? when you learn the sings, /does/ somebody tells you.
- (3) D Oh you mean $\left[\right.$ watching it? like
- (4) T $\left[\right.$ Cause I can imagine knowing that sign. ... and not
.. figuring out that it had anything to do with the decorations.
-
- (5) D No. Y You know that is has to do with the
decorations.
- (6) T $\left[\right.$ Cause somebody tells you? Or you figure $\left[\right.$ it out.
D: $\left. \right]$ No $\left. \right]$
- (7) D Oh. [...] You you talking about mé, or a deà person. $\left[\right.$
- (8) T $\left[\right.$ Yeah. $\left. \right]$ You. You
- (9) D Me? uh: someone tells me, usually. But a lot of em I can tell. I
mean they're obvious. The better I get the more I can tell. The
longer I do it the more I can tell what they're talking about.
- Without knowing what the sing is. $\left[\right.$
- (10) T $\left[\right.$ Huh. $\left. \right]$ $\left[\right.$ That's interesting. $\left. \right]$
- (11) P $\left[\right.$ But how do you learn a
new sign.
-
- (12) D How do I learn a new sign? $\left[\right.$
- (13) P $\left[\right.$ Yeah, I mean supposing ... Víctor's
talking and all of a sudden he uses a sign for Thanksgiving, and you've
never seen it before.

(Перевод: Д.: Да, и вот это вот, это Беркли. Это в Беркли... знак... знак Рождества. Т.: А ты понимаешь эти, эти... ну... соответствия? или когда ты учишь знаки, тебе кто-нибудь объясняет? Д.: А, ты имеешь

в виду... когда смотришь на них? Т.: Потому что я могу себе представить, вот знаешь знак, но не догадываешься что он какое-то отношение имеет к украшениям. Д.: Нет. Просто знаешь, что он имеет отношение к украшениям. Т. Потому что тебе кто-то это сказал? Или ты сам вычислил? Д.: Э-э... ты говоришь про меня или про глухих? Т.: Да. Про тебя. Про тебя. Д.: Про меня? Ээ.. кто-нибудь обычно мне говорит... но я многие из них знаю. В смысле, они же понятные... Чем лучше узнаешь, тем больше понимаешь. Чем дольше я это делаю, тем лучше я понимаю, о чем они говорят. Т.: Не зная, что значат знаки? Интересно. А как ты узнаешь новый знак? Д.: Как я узнаю новый знак? Т.: Да, в смысле например... Виктор говорит и вдруг он делает знак для Дня благодарения, а ты его никогда прежде не видел...)

Мои вопросы (2, 4, 6) и вопросы Питера 11 и 13 накладываются друг на друга или «защелкивают» предшествующую реплику Дэвида. А комментарии Дэвида следуют за вопросами после «нормальной» или даже заметной (5, 12) паузы.

Мой вопрос (2) о том, как Дэвид узнает о смысле знака, не только наползает на слабеющий комментарий (1) Дэвида, но произносится громко и сдвигает фокус с разговора о знаках вообще на Дэвида лично. Резкий вопрос застает его врасплох, и он проявляет нерешительность, перефразируя вопрос. Затем я перебиваю перефразирование Дэвида новой информацией (4), интерпретируя его нерешительность как показатель того, что я неясно выразила свою мысль. Но дело было в резком тоне моего вопроса и в сдвиге с общего фокуса на личностный. Тут я надеялась успокоить Дэвида, признав свою оплошность, и пыталась исправить положение, введя новую информацию, но мое второе перебивание только усугубило его замешательство — отсюда пауза.

Дэвид отвечает на мой вопрос (4) комментарием (5) «ты знаешь, что это имеет какое-то отношение к украшениям», но он избегает личностного фокуса моего вопроса (2) и вопроса, откуда он это знает. Поэтому я стараюсь уточнить (6), и опять вставляю свой вопрос встык к предыдущей реплике. Дэвид опять застревает, на этот раз прося пояснить (7). Его вопрос звучит после заполнителя паузы, чистой паузы, небольшого заикания: «а! ... так ты... ты говоришь обо мне...». Он выражает удивление сменой фокуса. И снова я проясняю с пулеметной скоростью: (8) «Угу. О тебе. О тебе». После этого Дэвид отвечает на вопрос, а моя реакция (10) наплывает на его ответ.

Как только улаживается перебрасывание фразами между Дэвидом и мной, вступает Питер, использующий ту же стратегию, и с тем же результатом. «Защелкивая» ответ Дэвида (9), он задает следующий вопрос, фокусируясь на Дэвиде (11); Дэвид говорит неуверенно, перефра-

зируя вопрос после паузы (12); Питер едва дожидается конца перефразирования, прежде чем уточнить вопрос (13).

Ритм этого сегмента очень показателен: обычно вопросно-ответное единство считается связанной парой (Sacks et al. 1974), и в гладко протекающем разговоре эта парность маркируется ритмически. Различия в темпоритме Дэвида, с одной стороны, и нашего с Питером, с другой, создают такие длительные паузы между нашими вопросами и его отсроченными ответами, что образуются ритмические пары из ответа и следующего вопроса. Это типичный пример того, как стилистические отличия разрушают разговорный ритм. Участники данного разговора — друзья и расположены друг к другу, но в другой ситуации при наличии таких различий каждая сторона осталась бы в уверенности, что «оппоненты» какие-то недружелюбные или странные.

Речевой обмен в рамках одного стиля

В предыдущем примере мы с Питером адресовали Дэвиду одинаковые вопросы, причем с неожиданными (для нас) результатами. Из предлагаемого ниже отрывка видно, как тот же прием может служить интенсификации речевого обмена. Этот отрывок начинается с того, что я неожиданно поворачиваюсь к Питеру и адресую ему вопрос.

- (1) T Do you réad?
....
- (2) P Do I 'réad?
...
- (3) T Do you reàd things just for fún?
....
- (4) P Yeah. Right now I'm reading Norma Jean the Tèrmite Queen.
[Laughs]
- (5) T ʁWhàt's thát? Norma Jean like uh: Marilyn Mon'róe?
f
- (6) P It's .. |No:. Is's a book about a housewife /??/
dec
- (7) T Is it a ʁnóvel or whàt.
- (8) P 'It's a línovel.
- (9) T 'Yeah?
- (10)P Before that ... I read the French Lieutenant's Woman?
ʁHave you [read that?
- (11)T [ʁOh yeah? No. Whó wrote that?
- (12)P John Fowles.

- (13)T Yeah I've heard that he's good.
- (14)P 'Hé's a ɹgréat writer. 'Í think he's one of the ɹbést writers.
T: hm
- (15)T /?/
- (16)P 'Hé's really ɹgoòd.
- (17)T /?/
-
- (18)P But Í get very busy. ɹYkow?
- (19)T ɹYeah. I? .. hardly éver read.
....
- (20)P What I've been dònig is cutting down on my sléep.
- (21)T Oy! ɹ[sighs]
- (22)P ɹAnd I've been and I ɹs
[K laughs]
- (23)T ɹÍ do that tòo but it's
páinful. ɹ
- (24)P ɹYeah. Fi:ve, six hours a 'night, and ɹ
- (25)T ɹOh Gód, hòw can you
dó it. You survive?
....
- (26)P Yach làte afternoon méeting are hàrd. But outside of thát I
T: mmm
can keep gòing ɹ pretty well.
- (27) ɹNot sleeping enough is térrible. I'd múch
rather not eàt than not sleèp.
p
[S laughs]
- (28)P I próbably should not eàt so much, it would .. it would uh ... sáve
a lot of time.
- (29)T If I'm /like really/ busy I don't I don't I don't eat. I don't yeah I
just don't eat but ɹI
- (30)P ɹI? I tend to spend a lòt of time eáting and
prepáring and ɹ/?/
- (31)T ɹOh: I néver prepare foòd. I eat whatéver I
can get my hánds on. ɹ
- (32)P ɹYeah.

(Перевод: Т.: Ты читаешь? П.: Читаю ли я? Т.: Ты читаешь что-нибудь для удовольствия? П.: Н-да... сейчас я читаю Норму Джин Королеву термитов. [смеется] Т.: Это еще что такое?! Норма Джин ну как э.э... Мэрилин Монро? П.: Это... нет, это книга о домохозяйке. Т.: Роман, что ли? П.: Ро-

ман. Т.: И? П.: До этого ... я читал «Женщину французского лейтенанта». Ты читала? Т.: А-а. Нет. А кто написал? П.: Джон Фаулз. Т.: А-а, я слышала, что он хорошо пишет. П.: Он — великий писатель. Я считаю, он один из лучших писателей. Т.: Хм-м. П.: Он отлично пишет. П.: Но я так занят... Понимаешь? Т.: Да. Я практически совсем не читаю. П.: Я если что читаю, то за счет сна. Т.: Ой! [Вздыхает] П.: И я ... И я [К. смеется]. Т.: И я тоже так, но это тяжело. П.: Да. Пять, шесть часов за ночь, и... Т.: О боже, как ты можешь. И ты еще живой? П.: Н-да совещания по вечерам — с трудом... Но в остальном вполне держусь. Т.: Недосыпать ужасно... Я бы лучше не ела, чем не спала. [С. Смеется] П.: Надо наверное есть поменьше, это бы... это бы а-а... сэкономило много времени Т.: Если я ну по-настоящему занята, я не... я не ем. Я не... да я просто не ем но я... П.: А у меня у меня уходит много времени на еду и на готовку и на... Т.: Господи, я никогда не готовлю... ем, что под руку подвернется. П.: Угу.)

Этот обмен демонстрирует многие признаки нью-йоркского еврейского коммуникативного стиля. Помимо характерного использования наложений, быстрого темпа разговора и персонального фокуса этот отрывок показывает то, что я назвала (Tannen 1984) упорством, взаимной откровенностью и экспрессивной паралингвистикой.

И Питер, и я используем в этом отрывке наложения и реплики встык: Питер (22, 24, 30), я (19, 23, 25, 27 и 31). Разговор начинается с моего неожиданного фокусирования на Питере вопросом (1). Как и Дэвид, Питер вначале «захвачен врасплох», поэтому он повторяет вопрос после паузы. Но потом он не только отвечает на вопрос, но и добавляет частную информацию (4) о книге, которую он сейчас читает. Общий признак участливого слушания можно видеть в (5) и (6). Хотя (6) явно ответ на мой вопрос (5), столь же ясно, что Питер в любом случае сообщил бы эту информацию. Он начинает: « Это... », останавливается, чтобы ответить «Нет» на мой вопрос, а затем повторяет начало и продолжает: «Это книга о домашней хозяйке».

Упорство относится к приему повторения попытки высказаться, несмотря на отсутствие внимания или перебив. В этом отрывке его можно увидеть в (22) и (24), где Питер делает три попытки сказать, что он спит ночью только пять-шесть часов. Упорство неизбежно сопутствует наложениям. Это отражает коммуникативную «экономику», в которой освобождать место для другого участника — не забота слушателя. Его дело, скорее, выражать энтузиазм, а обязанность изыскать место для своей реплик в этой системе ложится на говорящего. Другими словами, разговорная нагрузка заключается в удовлетворении потребности в причастности с риском нарушить независимость.

Прием взаимной *откровенности* можно наблюдать в серии наблюдений, которые мы с Питером делаем по поводу наших собственных привычек. В (19) я утверждаю, что я очень редко читаю, чтобы показать понимание жесткого расписания Питера (18). (23) — такая же реакция на его заявление, что он экономит на сне. (27) — заявление о моем предпочтении, чтобы сбалансировать его утверждение о сне (26). В (28) Питер делает заявление о своих привычках в еде; в (29) я описываю свои; в (30) он повторяет свое, а в (31) я повторяю свое. Кому-то может показаться, что мы совсем не общаемся, потому каждый говорит только о себе, но позиция реплик и соотношение тем устанавливает тематическую связь и обеспечивает контакт. В этой системе сообщение информации личного характера поощряет собеседника к добровольному присоединению, а добровольно выданная информация высоко оценивается.

В течение всего разговора на Дне благодарения Питер, Курт и я прибегаем к преувеличенным фонологическим и паралингвистическим признакам. Например, мой вопрос (5) «А что это?» громок и высок по тону. Когда ньюйоркцы прибегают к такой манере говорения, Чад или Дэвид останавливаются, прекращают говорить, удивляясь, что бы могло вызвать такой всплеск. Когда же преувеличенная паралингвистика используется кем-либо из ньюйоркцев в разговоре друг с другом, она подвигает их действовать в том же духе, симметрично, раскачивая этот процесс: в работе (Bateson 1972) это названо симметричным поведением. В цитируемом отрывке многие слова и словосочетания произносятся преувеличенно высоким или низким тоном голоса, причем с сильно окрашенным голосовым тембром.

Вполне вероятно, что мой высокий тон в «Это еще что такое?!», равно, как и на последнем слоге «Монро» в (5), был спровоцирован смехом Питера, прозвучавшим, когда он произносил название книги. В любом случае в ответе Питера (6) использованы резкие контрасты высоты тона и темпа, сигнализирующие: «Я знаю, что это глупая книга». Тон на «Нет» очень низкий, гласный протягивается, предложение говорится медленно и содержит долгую паузу перед тем, как будет произнесено ключевое слово «домохозяйка». Похожие резкие смены тона с высокого на низкий можно наблюдать во многих местах:

(8) П: ¹Это | роман.

(14) П: ¹Он ₁ великий писатель. ¹Я думаю, он один из ₁ лучших писателей.

(16) П: ¹Он | очень хорошо пишет.

Эти скачки высоты тона вместе с тембром голоса, говорят о снижении книги в (8) и полной серьезности в (14) и (16).

Преувеличенную паралингвистику можно услышать также в выражениях моей озабоченности тем, что Питер потерял сон (23), (25), (27). Все они произносятся с подчеркнутым ударением и придыханием, демонстрирующим преувеличенную и стилизованную озабоченность.

Еще одна стилизованная реакция на заявление Питера, что он недосыпает, — это так называемый «невербальный вскрик» на идише (Goffman 1978) — «Ой!». Это восклицание выстраивает контакт во многих аспектах: очевидно, что выбор выражения на идиш сигнализирует нашу общую этническую принадлежность; в то же время, преувеличенный характер моей реакции (глубокий вздох, сопровождающий восклицание) — прием насмешки над моей собственной манерой выражаться, делающий мое восклицание ироничным в тон тому, как Питер иронизировал по поводу собственного чтения, когда рассказывал о нем. (В таком же духе Курт часто подшучивает над своим поведением «хозяина дома», предлагая еду с преувеличенно еврейским акцентом.) Наконец, я произношу это восклицание, как если бы я выражала собственные чувства, и тем самым принимаю точку зрения Питера как проявление сочувствия.

Разговор между мной и Питером заканчивается еще одним сочувственным использованием наложения и повторения. Разговор свернул на тему свиданий и продолжил признаки, характеризовавшие его на предыдущем этапе. Заканчивается он так:

- (1) P And you just can't get to know ten people really well.
[breathy]
- ┌ You can't do it.
(2) T └ P
 ┌ Yeah right. Y'have to there's no? Yeah there's [no time.
(3) P └ There's not time.
(4) T Yeah 'strue.

(Перевод: П.: И просто невозможно узнать... десять человек настоящему хорошо [с придыханием] невозможно. Т.: Да, правда. Надо... нету... да, времени нет. П.: Времени нет. Т.: Да-а... правда.)

Утверждения Питера (1) и (3) текут плавным потоком, заканчиваясь на «Это невозможно. Времени нет». Однако последняя фраза звучит эхом моей фразы (2). Окончание разговора сигнализируется понижением громкости и финальным фактором слияния голосов и фраз.

Слаженность коммуникативного стиля

Как подчеркивает Райзман (Reisman 1974: 110), «конвенции, регулирующие речевое взаимодействие, значимы не только потому, что упорядочивают и опосредуют словесные выражения, но и потому, что являются частью общества и выражают более общие смыслы в обществе, которое ими пользуется». Беккер (Becker 1979: 18) поясняет: «Фигура, образуемая предложением, становится стратегией интерпретации», которая «помогает людям понимать мир, в котором они живут, и чувствовать свою связь с ним». Структура языка и самоочевидно естественные языковые навыки служат не только для передачи значения, но для создания и утверждения своего способа существования в этом мире. В другой своей статье (1979b: 241) Беккер объясняет: «Универсальным источником языковой патологии является, по всей видимости, то, что люди говорят одно, а „имеют в виду“ другое. Это сводит с ума, и тем больше, чем больше осознается. Эстетический ответ будет противоположностью этой патологии.... Шизофрения, изучение иностранных языков и художественное выражение в языке действуют в рамках одних и тех же лингвистических правил связности, инициативности, намерения и референции. Отличие в том, что в безумии (включая временное безумие изучения нового языка или нового текста) эти правила понимаются неправильно и часто кажутся противоречащими, в то время, как в эстетическом ответе они понимаются как связанное интегрированное целое... Цельность коммуникативного (искусства), таким образом, столь же необходима для здоровья сообщества, как чистый воздух, хорошая пища и (для исправления ошибок) медицина».

Эмоционально-эстетическое переживание идеально выстроенного разговора дает такое же состояние восторга, как и художественное переживание. Удовлетворение от успешной коммуникации превосходит удовольствие быть понятым в узком смысле слова. Это подтверждение своего места в мире и своего способа быть человеком. Это — как Беккер называет хорошо исполненную пьесу театра теней — «мечта о душевном здоровье».

В какой-то мере для каждого человека существует разрыв между своим частным кодом, то есть коммуникативными привычками, полученными дома, на улице (или в полях) возле дома, и публичным кодом, то есть формой языка, используемой в формальных ситуациях. Отсюда идет нервозность, которую многие ощущают при общении с незнакомцами. Но степень разрыва может быть большей или меньшей. Те, кто в домашней обстановке изучил нормы языка, близкие к бытовым в более широком обществе, уверены в своих лингвистических убеж-

дениях. Они уверенно заявляют, что перебивать невежливо, или что смысл рассказа должен быть выражен прямо и недвусмысленно. Но те, кто вырос в среде, чьи нормы общения не совпадают с нормами более широкого общества, могут иметь сомнения относительно своего коммуникативного стиля. Именно поэтому ньюйоркцы еврейского происхождения вряд ли пожалуются: «А почему вы (меня) не перебиваете?» Прослушивая аудиозапись разговора, в котором они с большим удовольствием принимали участие, они относятся к себе критично и слегка себя стесняются. Они тоже считают, что перебивать невежливо, равно как и говорить громко или слишком много. На самом деле «перебивание» могло быть создано собеседником, который остановился, вместо того, чтобы продолжать говорить поверх другого (голоса), но ни тот, кто «наезжал» на предыдущую реплику, чтобы поддержать собеседника, ни тот, кто не приемлет таких манер, не отдадут себе в этом отчета.

Чем больше разрыв между внутригрупповым стилем и публичными ожиданиями, тем труднее человеку чувствовать себя нормальным в обоих мирах. Неудивительно поэтому, что многие отказываются от одного или другого стиля, и от нью-йоркских евреев, уехавших из Нью-Йорка, можно услышать, что они ненавидят нью-йоркский акцент, терпеть не могут ездить в Нью-Йорк или терпеть не могут ездить домой, потому что там «никто никого не слушает», «все орут» и «все такие грубые». Вряд ли найдутся люди из этого круга, которые временами не ощущали бы неловкость за кого-нибудь из своих, обращающих на себя внимание манерой говорить, столь заметной в чужой обстановке. Они как бы глядят на своего глазами других. Это похоже на то, как путешествующие американцы испытывают неудобство при встрече с соплеменником, который слишком уж явно совпадает со стереотипом противного американца за границей. И наоборот, комфорт от общения в обстановке, где преобладает «домашний» стиль, в полной мере объясняет нам стремление к «клановости» — предпочтение компании «этнически своих». Принципы слаженности (coherence) (позаимствуем термин у Беккера), создающие коммуникативный стиль, действуют на всех уровнях речи, вносят свой вклад в стремление человека достичь слаженности в этом мире и одновременно вырастают из этого стремления.

Транскрипционные знаки

...	пауза в полсекунды; каждая следующая точка — это еще полсекунды паузы	?	восходящая интонация да/нет вопросов
'	главное ударение	ʔ	гортанный смычный
`	второстепенное ударение	:	долгота гласного
<u>подчеркивание</u>	означает эмфатическое ударение	<i>p</i>	произносится тихо (пиано)
	высокий тон на слове	<i>f</i>	произносится громко (форте)
Г	высокий тон на словосочетании (до следующего транскрипционного знака)	<i>dec</i>	произносится медленно
	низкий тон на слове	/?/	не слышно
.	падающая интонация конца предложения	⌈	скобки, соединяющие строки, показывают накладывающиеся предложения: двое говорят одновременно
,	интонация конца части фразы («сейчас продолжу»)	⌋	скобки с лапками в разные стороны — «защелкивание» (нет паузы между репликами)

Литература

- Bateson 1972*: Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. New York: Ballantine, 1972.
- Becker 1979a*: Becker A. The Figure a Sentence Makes // Discourse and Syntax / Ed. by T. Givon. New York: Academic press, 1979. P. 243–259.
- Becker 1979b*: Becker A. Text Building, Epistemology and Aesthetics in Javanese Shadow Theatre // The Imagination of Reality: Essays in Southeast Asian Coherence Systems / Ed. by A. I. Becker, A. A. Yengoyan. Norwood, NJ: Ablex, 1979. P. 211–244.
- Boyer 1979*: Boyer P. J. Therapists Cure New York Accents // The Tribune. 1979. 4 February.
- Brown 1987*: Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.
- Durkheim 1915*: Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. New York: The Free Press, 1915.
- Forster 1924*: Forster E. M. A Passage to India. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1924.
- Goffman 1967*: Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. Garden City: Doubleday, 1967.

- Goffman 1978*: Goffman E. Response Cries // *Language*. 1978. Vol. 54. N 4. P. 787–815.
- Gumperz 1982*: Gumperz J. *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982.
- Gumperz 1979*: Gumperz J., Tannen, D. Individual and Social Differences in Language Use // *Individual Differences in Language Ability and Language Behavior* / Ed. by C. J. Fillmore, D. Kempler, W.S.Y. Wang. New York: Academic Press, 1979.
- Labov 1970*: Labov W. *The Study of Language in its Social Context* // *Studium Generale*. 1970. Vol. 23. P. 30–87.
- Lakoff 1973*: Lakoff R. The Logic of Politeness; Or Minding Ps and Qs // *Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Chicago: Univ. of Chicago Department of Linguistics, 1973.
- Lakoff 1979*: Lakoff R. Stylistic Strategies within a Grammar of Style // *Language, Sex and Gender* / Ed. by J. Oransanu, M. Slater, L. Adler. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1979.
- Reisman 1974*: Reisman K. *Contrapuntal Conversations in an Antiguan Village* // *Explorations in the Ethnography of Speaking* / Ed. by R. Bauman, J. Scherzer. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1974. P. 110–124.
- Sacks et al. 1974*: Sacks H., Schegloff E., Gail J. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // *Language*. 1974. Vol. 50. N 4. P. 696–735.
- Schenken 1978*: Schenken J. *Studies in the Organization of Conversational Interaction*. New York: Academic Press, 1978.
- Tannen 1984*: Tannen D. *Conversational Style*. Norwood, NJ: Ablex, 1984.
- Van Antwerp, Maxwell 1982*: Van Antwerp C., Maxwell M. *Speaker Sex, Regional Dialect and Employability: A Study in Language Attitudes* // *Linguistics and the Professions. Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies* / Ed. by R. J. Di Pietro. Norwood, NJ: Ablex. 1982.
- White 1980*: White E. *States of Desire: Travels in Gay America*. New York: Dutton, 1980.

Перевод В. Б. Гулиды